

— Александр Борисович, не припомните ли начало вашей актерской биографии?

— О том, чтобы стать актером, я никогда не мечтал. В детстве хотел быть моряком, к концу десятого класса понял, что жить не могу без геолого-разведки, и поступил в Московский институт цветных металлов и золота.

Учился, ходил в экспедиции, а после окончания уехал в Иркутск по распределению. Там, в геологическом управлении, была сильная художественная самодеятельность. Спектакли ставили на сцене облдрамтеатра. При мне готовились к постановке «Горя от ума», но незадолго до премьеры что-то случилось с исполнителем роли Молчалина. Я и взялся выручить, хотя в драмкружок никогда раньше не ходил.

Потом были репетиции, премьеры. Одели меня в малиновый костюм, губы накрашили: вот так я дебютировал. И тогда, кстати, почувствовал, что прелесть актерской профессии не в славе и деньгах, а в возможности на время стать другим человеком, как можно дальше отойти от своей природы. Не скажу ничего нового, но действительно считаю, что глубиной погружения в чужую личность и определяется талант актера.

— В интервью голливудских звезд часто читаешь обратное: актера нередко выводят на роль «типажного» совпадение с героем...

— И у нас зачастую бывает так, ведь это приносит быстрое и легкое признание. Конечно, такому актеру проще: он скорее подкупает зрителя, чем тот, кто пытается лицедействовать, что-то продлевать с помощью усов, париков, кривой походки — мало ли чего! Зритель, впрочем, тоже не дурак, он же видит, что актер прикидывается... Вот если все эти приспособле-

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ ФОКС,

так друзья зовут киноактера

Александра Белявского, с которым

беседует наш корреспондент

Пруд. — 1994. — 23 июля. — С. 7.

ния он делает своими, если влезет в шкуру своего героя, тогда и рождается роль.

— Кто из ваших героев наиболее вам близок? Я не ошибусь, если назову Крылова из экранизации С. Минаэляна «Иду на грозу»? Когда-то вы считали эту роль главной в своей творческой биографии.

— Да, так и есть. В этом фильме не актер довел над героем, наоборот, персонаж во многом влиял на исполнителя. Крылов во мне отзывался сразу, во время первого прочтения сценария. Люди такого типа всегда были мне духовно близки своим нежеланием «устраиваться» в жизни, фальшивить, угождать начальству.

— В каких ролях расхождение между вашим собственным «я» и личностью героя оказалось наиболее значительным?

— В большинстве. Мне в последнее время все чаще предлагают мерзавцев играть. Была, например, работа в телесериале «Следствие ведут знатоки». Серия называлась «Без ножа и кастета». Я там домоуправа играл: корыстного человека и взяточника. Так этот домоуправ (и тут Александр Борисович неожиданно вошел в роль и заговорил в манере своего героя) все время слова повторял, повторял слова, слова повторял

— дефект речи у него был. Фильм снимался еще при Брежнев, я и решил: «Раз играю руководителя, хотя он всего лишь домоуправ, пускай он тоже будет с каким-нибудь речевым дефектом».

Интересной была роль «благородного приспособленца» Володи в «Июльском дожде» Марлена Хуциева. Впрочем, его характер прояснился только после окончания фильма. Во время съемок Хуциев ничего не объяснял. «Саша, — говорит, — доверься мне. Картину сложим, как мозаику». Я снимался и ни о чем не спрашивал. И это было правильно, ведь у нас раньше герои так резко делились на положительных и отрицательных, что актер сразу настраивался определенным образом, и это ему мешало. А когда он работает без изначальной установки, то играет человека.

— Для народа вы, насколько я знаю, в первую очередь Фокс.

— На улице только так и называют, особенно у пивных ларьков: «Фокс без очереди».

— А как Говорухин на вас вышел?

— На меня вышел не он, а Высоцкий. У них случилась «авария» — замена актера, играв-

шего Фокса. А Говорухин в это время улетел в Германию, кажется, на фестиваль. Заседает худсовет, Высоцкий предлагает мою кандидатуру. Кто-то замаялся, один высказался против, но пришлось согласиться: павильон на Одесской киностудии уже выстроили, каждый день надо было платить немалые деньги. Меня сняли прямо с самолета, одели в форму и дали большую сложную роль. Как в итоге получилось, я знаю, но не скажу.

— Вы были знакомы с Высоцким до съемок фильма?

— Нет, особо не знал. Мы только здоровались. Но он оказался очень прост в общении.

Володя давно мечтал снять картину. Он просто не дожидаясь своей режиссерской доли. Даже сценарий уже написал, у него была договоренность о постановке с Одесской киностудией. Мне рассказывали, что он все время Говорухина просил: «Слав, дай поснимать!». У меня было такое впечатление, что Высоцкий так же погрузился в материал картины, как и Говорухин, они вдвоем ее сделали. Как мне рассказывали, инициатива снять фильм по роману Вайнеров «Эра милосердия» ис-

ходила от Высоцкого. Он прочитал и понял, что не может не сыграть Жеглова, а с Говорухиными они всегда были добрыми друзьями. Так картина и родилась. Но если я что напутал, то охотно приму уточнения от Славы.

— А что было после Фокса? — Тут такая интересная история. До Фокса я в основном воровал. В «Рожденной революцией» обворовал ювелирный магазин, в фильме «И снова Анишкин» — городской музей и два дома ограбил, а тут до убийства дошел. Я в кругу друзей и пошутил: «Все идет по четкой линии: следующий должен быть предатель родины».

— И как? Сбылось?

— И да, и нет: был агент ЦРУ в картине «На Гранатовых островах».

— В одной из недавних картин «Серые волки» вам довелось сыграть Л. И. Брежнева. После этой картины ваши друзья стали, я знаю, называть вас Леонид Ильич Фокс. Скажите, режиссер Игорь Гостев вас сразу нашел?

— Да он и не искал. Мне он приглядел совсем другую роль.

— Однажды спрашивает: «Саш, кто из актеров твоего возраста может сыграть Брежнева?» — «Е-е», я плечами пожми.

— Другой оператор начинал внимательно приглядываться к тому что-то шепчет второму режиссеру. Та по принципу «доверяй» уже наклоняется к Гостеву. Тут все трое на меня уставились. Я спрашиваю: «Что это вы смотрите?» А они говорят друг другу: «Может, попробуем?». Так я и стал Леонидом Ильичом.

— Критики отмечали, что вы нарочито акцентируете дефекты его речи.

— Нет, я не дефекты, а манеру речи подчеркивал. Брежнев очень многие к концу его жизни передразнивали, издевались над его несчастьем. Вот этого я ни в коей мере не хотел. Но «гэкал» и мямлил он

всегда, и эту манеру я решил оставить, хотя Гостев настаивал: «Не делай карикатуру».

— Образ молодого Брежнева потребовал от вас какой-то особой работы: чтения документов, литературы, просмотра хроники?

— Нет, ничего особенного. Ведь мы его все и так помнили. Разве что хотелось, чтобы кто-нибудь рассказал, как он вел себя в обыкновенных, бытовых ситуациях. Мы же его только в официальной обстановке видели: на трибуне, встречах-проводах. А чтобы он дома кого-нибудь принимал: «Ну давай мы с тобой выпьем коньячку за здоровье твоих», — этого мы не знали. Не знали, как парился в бане, как на женщин смотрел.

Я ничего особенного не изобретал, был в пределах сценария. Вот, например, сцена с хорошенькой официанткой, она входит, и что я делаю? Ничего из ряда вон: просто чуть-чуть выпрямляю спину, смотрю на нее, и — пауза. Эсе, зрителю ясно: глаз положил.

— Сколько всего ролей в кино вы сыграли?

— Однажды решил посчитать: до восьмидесяти дошел, включая большие эпизоды, и сбился. — И за такие отличия вам дали звание заслуженного артиста только в 1988 году?

— Ну да. Присвоили на старости лет. Хотя я, как и многие актеры, всегда выступал за отмену званий. И когда меня на концертах спрашивали: «Вас как объявить: народный или заслуженный?», — отвечал: «Просто артист». А однажды в Театре киноактера устроили капустник. На экране шли кадры из фильма «Развод по-итальянски», где металась Софи Лорен и кричала: «Почему у этой есть звание, а у меня нет?». На что Мастродан ей отвечал: «Дура! Зачем тебе звание, у тебя есть имя!». Ну что тут добавишь?

Беседовала Юлия ПУХЛИЯ.

